

5. ЛЮДИ-ОПОРЫ

Беседы с Сергеем Александровичем Шавелем, моим давнишним знакомым, доктором социологических наук, честным ученым, порядочным человеком

Средний класс у нас называют: середняк. О середняке давно ничего не слышно, он как бы остался в истории. Тем не менее его можно встретить и сегодня. Например, в деревне. Средняком принято считать фермера. А фермеров в Беларуси числится примерно 3000. Расскажу вам, Сергей Александрович, о двух из них. Они из Гродненской области.

... Едва поздоровавшись, фермер повел нас в хлев. Около двери стоял бычок шоколадной масти, о котором фермер сказал, как о человеке, что он не местный, из другой страны. Стояли еще бычков десять, местной породы, черно-пестрые. Все, и местные и приезжий, дружно хрустели сеном.

Фермер сказал: "Душа болит, как подумаю... Сена — на две недели. Придется зарезать и этих."

Трагедия состояла в том, что сподличали мелиораторы, не подготовили землю. Фермер не смог посеять, не вырастил кормов. Пришлось зарезать половину коров, семь голов.

Повел на свою землю. Выделили заболоченный кустарник 20 гектаров. Гора пней, гора земли. Государственные мелиораторы сотворили техногенный ландшафт и смотались.

Наконец мы зашли в низенькую фермерскую хатку. Боже мой, начало двадцатого столетия! В кухне — земляной пол. Огромная черная печь, духота, маленький ребенок в кроватке.

В окне был виден строящийся двухэтажный коттедж. Мебель уже закуплена, хранилась у знакомых. Чуть дальше виден гараж для техники, он построен прежде всего.

Фермеру немного за сорок. Мужчина в силе, а выпил рюмку — и сразу захмелел. Видно, что в бутылку не втянут. Захмелел, стал исповедаться, как часто делают под градусом мужчины с чистой детской душой.

Он работал в школе преподавателем автодела. Жил в райцентре. Жили так себе, средне. Чтобы подзаработать, по ночам ремонтировал легковые автомобили. Накопил десять тысяч рублей. Как раз на "Жигули". Жена хотела именно "Жигули", но он решил покупать трактор. Объявил семье, что берем землю, идем в фермеры. Жена заявила протест. Теща сказала, что свою дочку в сарай не пустит и что если ему захотелось в фермеры — иди один.

Ушел один. Взял в деревне хатку в аренду. Рядом выделили три гектара земли. Автодело в школе бросил, уволился. Дневал и ночевал здесь, при земле. Когда раз в неделю появлялся в семье, жена не разговаривала. В очередной его приезд сообщила, что подала на развод. Упрашивал, рисовал картины будущей жизни в деревне — не послушала. Развелись. Жена сразу же вышла за соседа, у которого было своих двое детей. Тут и знакомые сообщили, что с соседом она сблизилась давно, а он, дурак, из-за земли ничего не видел.

Измену, развод он переживал тяжело. Спасали фермерские проблемы, отвлекали от горьких мыслей. Хатку эту выкупил. Рядом заложил коттедж, гараж, коровник. Денег не было, кредитов не давали. Дошел до министра, выбил.

И вот — судьба! Однажды сидел в этой хатке, ковырял сухомятку. И видит: к нему идет женщина. Он ее узнал еще на улице: бывшая соседка, бывшая жена того соседа, с которым снюхалась его бывшая женушка. Зашла смущенная. С порога говорит: они сошлись, давай мы попробуем, а что если получится! Говорит так и, видит он, проваливается сквозь землю от стыда.

Попробовали, как она сказала, и вот — сынок! Слышите, сопит! Жена взяла своих детей и переехала из города сюда. Тут не мед, в этой халупе, но зато он вновь любил женщину, через год обещал поселить ее в коттедж. Она согласна подождать. Она помогает во всем. Вместе отбивались от бандитов, которые приехали темной ночью и потребовали выйти поговорить. Пришлось стрелять из охотничьего ружья из окошечка на чердаке. Жена стояла рядом и, как говорится, подавала патроны. А назавтра утром сказала ему, что устала, что если они еще раз приедут, то она не выдержит. Он ее понимал и просил потерпеть. Возьми машину, съезди в город к подругам, отдохни, я управлюсь сам.

Выпил вторую рюмку, сказал: если она бросит меня — жизнь кончена, все спалю! И размазал кулаком слезу.

Затем он потащил нас к своему другу, тоже фермеру. Ехать нужно было тридцать километров, в другой конец района. Другу-фермеру за пятьдесят. Ничего у него пока не было. Только лошадь и отцовский дом. Дали десять гектаров речной поймы. Корчуй, суши. Будто нет земли. Обязательно нужно уничтожить пойму, осушить речку, ликвидировать последний приют зайца, утки, бобра. Издевательство над человеком и природой в нашем государстве всегда идут рядом.

Друг рассказал, как ходил в райисполком — пять раз ходил. Просил землю. Просил: дайте рядом с домом, где зарастает кустами колхозное поле. Я вместе с сыном сделаю его лучшим в районе. Отдайте наше поле, сорок

пять лет назад его отобрали у моего отца. Это наша земля, а не ваша. В деревне до сих пор ее зовут именем моего отца. Председатель райисполкома прогнал из кабинета, как собаку. А я не собака, я хочу сделать свою жизнь человеческой, а мне не дают, эх, сволочи! Он заплакал от обиды, бессилия, злобы.

— Сергей Александрович, давайте оттолкнемся от грустной истории о современных середняках-фермерах. Председатель райисполкома поступает с ними однозначно: душит. А вот суровый Ленин в свое время не знал, как с ними поступить: то нейтрализовал, то сближался, то использовал... Почему революционер-разрушитель, всегда знавший, что делать и с чего начать, метался вокруг середняка?

— Показательна ленинская реакция на реформы П.А. Столыпина. Он признает, что "это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле". Но! "После решения аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции... быть не может". Ленин видел, что Столыпин, расширяя и укрепляя средний класс, выбивает почву из-под ног революционеров, причем более успешно, чем репрессалии силовых структур. Отсюда — враждебность к Столыпину, к его реформам (прогрессивным) и их продукту — середняку.

В период военного коммунизма середняк мешал потому, что не сдавал бесплатно, по продразверстке, хлеб государству. НЭП, переход к продналогу открыли возможности для выживания середняка. В последних работах Ленин уже говорил о "культурном крестьянстве" как решающем условии стабилизации общества. К сожалению, коллективизация уничтожила середняка: отрубив собственника от труженика, она превратила его в существо под названием "рабсила".

— Кто он такой — середняк? По каким приметам его можно определить?

— Средняк — находящийся посередине: не богатый, но и не бедняк. Главная примета этого класса — его самодостаточность. Сам по себе, без каких-либо внешних подпорок, связей, помощи, только за счет своего труда, способностей, деловой активности, предприимчивости он способен решать свои жизненные проблемы, обеспечивать благосостояние, завоевывать уважение окружающих, сохранять самоуважение.

Вторая примета — высокий профессионализм: образование, любовь к своему делу, компетентность, трудолюбие, добросовестность в работе. Эти качества являются источниками материального достатка. Средняк принципиально не приемлет криминальные, жульнические способы

обогащения. Подобные приемы не совместимы с высоким чувством собственного достоинства.

Третий признак — экономическая независимость и то чувство хозяина, которое пытались сформировать у советского человека, начиная с 60-х годов. Невдомек было вождям нашим, что у человека, отчужденного от собственности и результатов своего труда, возникают лишь суррогаты такого чувства. Хозяином может быть только собственник, для него это чувство естественно, как дыхание.

— Вижу, ваша мысль течет в сторону собственности. Конкретизируйте, Сергей Александрович. В массовом сознании категория собственности чрезмерно запутана, идеологизирована.

— Собственником можно быть не только на единоличной ферме или частном предприятии (мастерской, магазине), но и в колхозе — если юридически определена доля (пай) каждого и право ее изъятия; и на госпредприятии — если работник имеет акции, бонусы, свою долю в имуществе и прибылях.

— Кто конкретно относится в Беларуси к среднему классу, коль вы утверждаете, что таковой здесь существует?

— Если исходить из госстатистики, то среднего класса у нас будто нет, поскольку критерии стратификации общества в сгруппированном виде не отслеживаются. Но по самоидентификации в высший слой среднего класса сегодня входят 3,5 процента населения, в низший — 23,4. Это слишком мало, чтобы оказывать решающее влияние на экономику, политику и стабильность общества.

В средний класс входят: госслужащие высоких категорий; руководители и специалисты рентабельных предприятий, хозяйств и организаций; отдельные высококвалифицированные работники бюджетной сферы; банковские служащие; предприниматели средней руки (иных у нас пока нет); ведущие спортсмены и тренеры; рабочие, имеющие возможность выполнять заказы на стороне.

— В средний класс попадают представители самых разных социально-профессиональных групп?

— Да. Но, как правило, понемногу. И те, кто имеет, помимо зарплаты, иные источники доходов. Замечу, что удельный вес зарплаты в денежных доходах населения снизился до 50 процентов (в 1993 году было 73).

— Сергей Александрович, критерии, по которым вы определяете белорусского середняка, универсальны? По ним можно "выйти" на середняка США? Кто там ходит в середняках?

— В США высший средний класс — это бизнесмены; опытные специалисты (ученые, врачи, юристы, профессора вузов); военные, менеджеры, чиновники высокого ранга. Больших состояний у них нет, но они имеют высокие доходы, профессиональный статус, престиж.

Низший средний класс включает разнообразные слои и профессиональные группы: мелкие предприниматели, фермеры, специалисты без ученой степени, учителя, воспитатели, служители церкви, служащие в отраслях обслуживания, средний инженерно-технический состав, "рабочая аристократия". У них скромные, по их меркам, доходы; образование — университет или колледж.

— Какое там количество середняков в процентах к населению страны?

— Высший слой среднего класса в США составляет 15—17, низший — 35—40 процентов населения. В других развитых странах удельный вес среднего класса несколько больше или меньше, но везде он превышает так называемую "критическую массу" (35—40 процентов), что и придает стабильность обществу.

— Динамика этого класса в развитых странах вам известна?

— Численность среднего класса за последние более чем сто лет там неуклонно возрастала, несмотря на временные отливы, вызываемые войнами, кризисами. Этому классу присущи внутренний коммулятивный эффект и собственный потенциал расширенного воспроизводства, проявляющиеся в межпоколенческой мобильности. В США с 60-х годов более 50 процентов детей поднялись выше родителей, а 30 процентов — сохранили унаследованный статус. Вспомним, что в этике протестантизма самый большой грех — растраниживание унаследованного достояния, не только денег, но и престижа, репутации. А средний класс очень религиозен.

— Отличаются ли жизненные установки западного середняка от установок богатого, бедного?

— Заметно. Средний класс консервативен в области экономики и налогового законодательства, обладает, можно сказать, иммунитетом к детской болезни левизны и популизму. Тем самым он отличается от высшего класса с его доминирующей установкой на элитный стиль жизни и от низшего, озабоченного укреплением своего положения в обществе и расширением социальных программ.

— Насколько совпадают там установки, ориентации, ценности середняка с общественными установками, ориентациями, ценностями? Кто наиболее органично вписывается в тамошнее общество — богатый, бедный, средний?

— Думаю, здесь уместно привести слова древнегреческого философа Аристотеля: "Именно среднее состояние и только оно одно благоприятствует цели государства — достижению самодостаточного существования, состоящего в счастливой и прекрасной жизни". Средние, поясняет Аристотель, "не стремятся к чужому добру, как бедняки, а другие люди не посягают на то, что этим средним принадлежит". Средним не завидуют, так как видят, что их достояние справедливо и нажито трудом.

— Середняк и государственный чиновник. Середняк и государство. Как, на какой платформе строятся их взаимоотношения в США и в Беларуси?

— Государственные чиновники запада в большинстве своем относятся к среднему классу. И этим я ответил на ваш вопрос, Анатолий Николаевич. Как сказал немецкий философ Гегель, "среднее сословие, к которому принадлежат и государственные чиновники, представляет собой средоточие государственного сознания и выдающейся образованности. Поэтому оно и является главной опорой государства в отношении законности и интеллигентности".

Нам же до такого состояния и состава чиновников далеко. Слишком долго они рекрутировались по иным критериям. К присяге чиновника не приводят, государственное сознание для многих — дело вторичное. Дрожат перед вышестоящим, унижают нижестоящего.

— Белорусские предприниматели в массе своей середняки? А без предпринимательской деятельности в средний класс у нас и не выбиться?

— Во всем мире предприимчивые люди — основной контингент среднего класса. Это они — ремесленники и свободные землепашцы, промысловики и купцы, казаки и первопроходцы, строители и старатели — во всей писанной истории воспроизводили этот класс, порой вырубаясь под корень, заводили собственное дело, поднимали свою страну и себя. Их ресурсы, статус, мотивация неразрывно связаны с частной собственностью.

Научно-технический прогресс расширил источники формирования среднего класса. Потребовались высококвалифицированные работники с высокой эффективностью труда, длительной подготовкой (образованием), ответственностью и соответствующей оплатой. Средний класс в развитых странах — это не только предприниматели-собственники, но и часть наемных работников, положение которых определяется уровнем профессионализма. Оба пути для нас теоретически не закрыты, однако на уровне

государственной политики они отсутствуют, что деформирует массовое сознание.

Легальное предпринимательство очищает общество лучше партийных и президентских контролеров. Пора бы понять логику экономики и вместо разжигания страстей совершенствовать правила игры, следить за их соблюдением обеими сторонами: и предпринимателями, и государственными чиновниками.

— Существуют ли в Беларуси экономические ниши, в которых бы середняк сформировался быстро и качественно?

— Существуют. Опять-таки предпринимательство во всех формах и видах. Без этого в наших условиях средний класс невозможен. Надежды на "государственный средний класс" эфемерны. В лучшем случае можно наплодить высокооплачиваемых маргиналов (людей без соответствующего самосознания), в худшем — теневиков и бандитов.

В сельском хозяйстве надежда на фермерство и реорганизуемые по примеру знаменитого "Рассвета" колхозы. Но акционерное общество "Рассвет" ликвидировано.

Наименьшие возможности для формирования среднего класса в бюджетной сфере и на госпредприятиях. Уходят лучшие специалисты. Законсервированы реформы. Неизбежная реструктуризация, новые технологии требуют больших инвестиций, а где их взять? Собственных нет, западных не заметно, их не направляют в страну, где закрывают независимые газеты, избивают депутатов, прижимают бизнесменов.

— Названные вами ниши для выращивания середняка кто должен обустроить — государство или сам человек?

— Обратимся к опыту "челноков". Этим бизнесом занимается не менее 400 тысяч человек. Тяжелая, рискованная работа. Много ли делает для них государство? Разрешило поездки, открыло рынки, не судит за спекуляцию — и большего им как бы не нужно. А представим, что товары со стадиона "Динамо" и всех других рынков нужно разместить в универсамах. Их потребовалось бы десятки или сотни, и каждый стоимостью в несколько миллионов долларов, не говоря уж о транспортировке и прочем. "Челноки" делают государственное дело и вправе рассчитывать на соответствующее к себе отношение.

Предприниматели, в отличие от колхозов, не требуют дотаций или безвозвратных субсидий. Им нужны твердые законы, защита от рэкета, обоснованные налоги, кредиты, моральная поддержка. Все остальное они

могут и хотят делать сами. Но они опасаются государственного посягательства на самостоятельность.

— Итак, Сергей Александрович, за вами заключительный афоризм!

— Он прост: не мешай человеку быть счастливым.

1998

www.kamunikat.org